

УДК 316.647.5:340.114.5

О «ТОЛЕРАНТНОСТИ» В ПРОЕКЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОЗНАНИЯ

© 2018. М.Я. Мацевич¹, В.В. Валейтёнок²

¹Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, РБ

²Белорусский национальный технический университет, г. Минск, РБ

Статья посвящена проблеме эволюции идеи «толерантности», ее месту и роли в современном трансформирующемся обществе. Поскольку понятие ошибки связано с эпистемологией, а понятие толерантности с политической философией, понятие допустимой ошибки в контексте юриспруденции есть территория, где пересекаются две дисциплины, а также, возможность вопрошания, при каких обстоятельствах судебные ошибки могут быть допущены и на каких основаниях определенные ошибки могут быть оправданными. Концепция толерантности в наше время запутана и сложно инкапсулирована, несмотря на то, что она якобы необходима для мультикультурного существования; то же самое верно и при обсуждении толерантности в повседневных контекстах.

Ключевые слова: аксиология, ценности, господство, власть, политкорректность, государственная идея.

Как-то раз покойный Т.В. Филиппов, рассказывает князь Мещерский, приходит к К.П. Победоносцеву и спрашивает его:

- Правда ли, что вы берете к себе NN?

- А что? – спрашивает его К.П. Победоносцев.

- Да ведь он подлец.

- А кто нынче не подлец? – возразил государственный мудрец.

.....

Граф Делянов, со свойственной ему добродушной иронией, усмехнулся:

- Ну, говорит он, – зачем же так сразу и подлец, просто двоедушный человек.

Л.А. Тихомиров. «Монархическая государственность»

Введение. Эпиграф статьи не есть жажда эпатажа. Предлагаемая цитата – всего только намеренное отражение того, как концепт толерантности специфически транспонируется в мировоззрении той или иной личности. Уместно допущение, что неотъемлемым свойством толерантности есть следование «категорическим императивам» И. Канта или принципу Гиппократата: «Не навреди». Но допустимо и полисемантическое толкование, когда именно эта же категория, «гражданская политкорректность» давали возможности Дж. Локку формировать гражданское общество, бороться за идею «неотчужденных прав человека» и одновременно сознательно поддерживать рабство, внося лепту своих капиталов в Королевскую Африканскую компанию. И З. Фрейд в работе «Цивилизация и ее разочарования» вопрошал: с какой стати я повинен возлюбить «другое», «чужое», если подобное претит моему душевному настрою? Во имя чего я обязан себя «насиловать»? Ибо когда он «чужой», мне весьма тягостно и обременительно испытывать к нему теплые чувства, не говоря уже о том, чтобы полюбить. Простому обывателю подобное никогда не будет понятно: почему и за что? Отсюда, не является ли толерантность вычурно задрапированным экстремизмом и садомазохизмом?

Целью статьи становится репрезентация толерантности как весьма специфичного концепта, определяющего семантические конструкты, в рамках которых складывается выстраивание тех или иных жизненных смыслов. Предание этому понятию конкретной эмоциональной и содержательной окрашенности обусловлено не только психофизиологией, но и воздействием окружающей действительности. Нельзя не принять во внимание, что в современном транзитивном обществе на себя эту миссию берет не интеллигенция, научная элита, а «номенклатурная экспертократия». Любое общество формирует свою аксиологию, удовлетворяющую его безусловно рефлекторному пониманию обстоятельств жизни и природной среды.

Посредством назойливого вторжения идеологемы «толерантности» в парадигме современных реалий на самом деле происходит деструкция аксиологической матрицы, снижается психологическая, иммунная защита против информационного экстремизма. В дискурсе XXI в. толерантность уже не считается ценностью, позитивной либо негативной оценочностью, вернее всего, она эксплицирует релевантность инфантилизма, как политических элит, гражданского общества, так и нынешней антропологической версии в целом.

Статья написана как историко-философское исследование *с применением компаративного анализа и аксиологической интроспекции.*

Предпосылки идеологической толерантности. В ранней аксиологии брали свои истоки феноменология, философия жизни, а также, частично, экзистенциализм. И если философия жизни была большей частью поглощена философией существования, а некоторые ее биолого-расистские варианты, которые непосредственно влияли на идеологию национализма, были вместе с ней окончательно скомпрометированы; то философия ценности, напротив, пережила после второй мировой войны новую конъюнктуру, и ссыла на ценности кажется в ней единственным, что можно было противопоставить пережитому варварству. Характерным при этом является то, что, прежде всего, «аксиологи» исходили из «материалистических» учений о ценности в стиле М. Шелера, неокантианство же не сформировало системообразующей теории ценности, в том числе и у Г. Риккерта, и еще в 20-е гг. XX в. звучание рационализма М. Вебера было сильнее пиано Г. Риккерта.

Но у Макса Вебера бездна между разумом и аксиологическими предпочтениями достигла такой мощи, что различные ценностные иерархии вступили в непримиримый конфликт друг с другом. Наука оказалась не в состоянии в реальном мире противостоять их борьбе. «Политкорректность» стала синонимом ценностей. В 1928 г. вышла первая часть общей библиографии ценностей, в которой были приведены 661 статьи. Изобилие тотемных духов, бесовских сил, пораженных во власти и отсюда возымевших бифуркационные константы, восстали из своих могил, и, стремясь к власти над нынешним моментом, начали борьбу между собой. Но почему Макс Шелер, с его принципиальной критикой немцев с их «чистым удовольствием от самой работы, без причины, без цели, без конца» не смог взять верх над Максом Вебером?

Мартин Хайдеггер объяснил вышеозначенное еще в 1935 г., поставив «диагноз» самому предметному полю аксиологии: «Ценности ценятся».

Языковой же анализ современной метаэтики исходит из теорий ценности психологически, продолжая ее другими средствами. Поэтому принципиальный политеизм, плюрализм оправдывают Макса Вебера перед Максом Шелером, и в них философский априоризм ценностей находит свой своеобразный конец.

Ценности, которые должны были заменить долженствование по И. Канту и Г. Фихте, заняли ненадежное промежуточное положение между бытием и

долженствованием, фактами и нормами. Им был придан статус собственного бытия, которое, однако, нужно отличать от «бытия как такового». Вот что по этому поводу писал М. Хайдеггер в лекциях о Ф. Ницше (1936–1940): «Ценности и ценное становятся позитивистской заменой метафизического» [1, с. 230].

Реальные вещи утратили сегодня свои ценности, ее приобрели образы этих вещей, которые функционируют как автономные знаки реальности. Эти образы являются симуляцией, так как не имеют за собой никакого референта. Эти образы широко интегрируемы в средствах массовой информации и коммуникации. Именно благодаря доминированию, так называемых, общечеловеческих, космополитических ценностей современная эпоха стала эпохой массовой коммуникации, эпохой потребления. Субъект, претерпевающий причастность к рыночным отношениям, утрачивает свои функции субъекта и становится объектом, вещью, которая поддается манипуляции и деформации. В конечном счете, опыт «общечеловеческого» очень часто становится пассивным опытом собственной смерти.

Этим же явлениям способствует и современная аксиология. Она работает на обратной связи: сегодня чтят не то, что благостно, истинно, а то, что может быть продано, что покупают. Нынешняя аксиология формирует пространство взаимообусловленных пристрастий, вкусов, реальной сопредельной видимости тому, что мы хотим увидеть. Хамелеон перед зеркалом зеленеет. Теория ценностей сегодня захвачена духом «хамелеонства», а главное, и зеркала то уже нет. Однако обман невозможен без соучастников.

«Нормальный» аксиологический контекст и примитивизм «среднего человека». Испано-американский философ Джордж Сантаяна (1863–1952) имел все основания полагать, что человеческие идеи несут чисто символическую нагрузку, они – «внутренние ноты, звучащие под воздействием человеческих страстей и искусств» [2, с. 110]. Эти идеи рациональны в силу той жизненной гармонии, которую разум вводит в иррационализм окружающей действительности.

В развитии общества Дж. Сантаяна видел постоянную консолидацию иррациональных импульсов. Общество проходит в своем развитии три стадии: 1) «Естественная» – адаптация человека к реальности, удовлетворение потребностей; 2) «Свободное общество» – человек пытается реализовать себя как личность, осваивая различные социальные роли; 3) «Идеальное общество» – общество индивидов, управляющих по законам красоты, истины, религии. Картина «идеального общества» – суть общество элитарного типа. Дж. Сантаяна не признавал демократии, так как она уничтожает «лучших», разрушает аристократизм духа и санкционирует примитивизм «среднего человека» [2, с. 125].

Демократизация общества и культуры сегодня идентифицируется с положительным «нормальным» аксиологическим контекстом. Выступать против демократии, защищать авторитарные, тоталитарные режимы, писать уважительно об идеологах тиранических режимов – не только не модно, но и аксиологически не безопасно. В современном цивилизованном мире «общечеловеческие» ценности невольно стали синонимами космополитизма, либерализма, «политкорректности» и безусловно демократизации общества, тогда как объективно исходя из истории, философии аксиологической мысли этого вывода вовсе не следует. Самые аксиологизируемые культуры, культуры с глубинными философско-идеологическими, национально-этническими составляющими никогда не были демократизированными (в частности, Россия и Германия).

В книге «Господство и власть» [3] Дж. Сантаяна рассматривал историю как смену трех порядков власти: «порождающего», «воинственного» и «рационального». Осуждая

милитаризм, связывал его с демократией, с коммунизмом, с диктатурой пролетариата. Американская демократия для него была определенным способом рационализации власти, отупления, омассовления человека, превращения индивида в положительное, законопослушное однообразное единство. Можно утверждать, что работы Дж. Сантаяны во многом помогли М. Фуко постичь природу нынешней власти, «паноптизма», всеподнадзорности, всеманипулируемости, дрессируемости современного человека. В 1951 г. пафос Дж. Сантаяны и его смерть со словами: «Отчаяние, отчаяние...» казались трагедией. Пафос М. Фуко, Ж. Делёза воспринимается сегодня как банальность, констатация фактов, своеобразный интеллектуально-медицинский диагноз.

В вышепредставленной книге автором также подчеркивалось, что различие господства (*dominations*) и власти (*power*) есть различие не физическое, а моральное. Власть – это, прежде всего, власть духа, власть силы харизмы, власть Бога или мира. Господство – чья-то точка зрения, легальная рационализированная позиция общего согласия, универсализированная юрисдикция [3, с. 431].

Как и любой творческий проект, власть всегда предполагает реакцию на действительность: нравственную и эстетическую. Любая истинная форма власти базируется на интенциях мятежа, на дистанцировании по отношению к повседневности. Духовная, харизматическая власть есть избегание стандартизации. Причина сегодняшней атрофии сферы харизматической власти заключена в затхлости прогнозируемой будничности. Редко приходится сталкиваться с текстами, произведениями, где повседневность была бы осознана, но даже и в этих случаях восстанию, бунту нет места. Стратегия современного «господства» – стратегия продажности, выхолащивание «самости», истребление «мятежников», заключение их в казематы добропорядочных нравственных середнячков. Корпоративная этика превратила чиновников и политиков в хамелеонов.

М. Хайдеггер в заметках, письмах 30-х гг. XX в. признавался, что он «еще не в достаточной мере подготовлен», что истинная философия должна «владеть» временем, должна указывать направление, преодолевая настоящее. «Истинная философия владеет своим временем». Что это означает? Значит ли это, что философия должна стать диагнозом эпохи, должна обладать прогностической силой? Или, прежде всего, философия должна также не просто вопрошать и указывать, но и предлагать конкретные решения? Интересно и показательно, что в дальнейшем, особенно после Второй мировой войны, незадолго до смерти, в 1975 г., М. Хайдеггер возлагал свои ошибки не на политическую неопытность, а именно на философскую интерпретацию событий. Что это?.. Принципиальная честность и ответственность мыслителя или экзистенциальный страх, «политессы» политкорректности? М. Хайдеггер утверждал, что при его посредничестве «впало в заблуждение само бытие», что он (М. Хайдеггер) несет не только свой крест, но и крест «заблуждений бытия».

Сознательно ли М. Хайдеггер всегда забывал, что между человеком и великим Целым, Бытием есть промежуточная область, область политической, социальной реальности?.. Согласно наблюдениям Р. Сафранского, немецкий мыслитель, введший понятие онтологического различия, так и не разработал онтологию различий [4, с. 356]. На арене его философских изысков всегда были только Бог и человек, мир и Я. Согласно М. Хайдеггеру, не политики, диктаторы, вожди, президенты, а «поэты» сообщают каждому народу его идентичность, учреждают его богов, его нравы и обычаи. Поэзия является биологически необходимой функцией народа. М. Хайдеггер бунтовал против демократии и либерализма. С его точки зрения либерализм – это

стремление не попасть в сферу воздействия, стремление не думать, не чувствовать, методичное уклонение от собственных смыслов и значений, от собственной ответственности.

Особенности правового контекста современного дискурса. Длительное время развитие философской практики было ориентировано на абстрактно-теоретическое отражение действительности. Но сегодня философия – это даже не постижение, не изучение мира, а трансцендирование того, что не является в принципе адекватно принятым. Современная философия изучает не мир, а, прежде всего, принципы, нормативы, основания, предпосылки. Социальная дезинтеграция породила неадекватность того знания, с которым мы сталкивались ранее. Феномен гуманитарной культуры XXI в. акцентировал актуальность философских и методологических оснований современного правопознания. Современные философы приходят к убеждениям, что именно социокультурные признаки конкретного общества накладывают отпечаток на социально-историческую динамику в целом. Философия XXI в. неустраимо связывает свое существование с определенным правовым контекстом.

В этой связи активизация историко-философских, аксиологических, антропологических исследований – естественная реакция современного правопознания на утрату идентичности, традиции, подлинных смыслов.

Вслед за террористическими атаками 11 сентября 2001 г. был поставлен один из вопросов, который неоднократно вставал и далее: «Почему? Почему «Они» ненавидят «Нас» (американцев)?» Вопрос особенно мучителен еще и потому, что современные супердержавы не приобрели уважения и действительной территориальной силы по образцу предыдущих супердержав, подобно империи древнего Рима.

Американцы утверждали, что искали только Мира и выстраивали планетарную демократическую систему, внешне в большинстве случаев работая через Организацию Объединенных Наций. Почему тогда «Они» ненавидят «Нас» (американцев)? Больше чем восемьдесят лет назад Дж. Сантаяна обеспечил объяснение. Мегатеррористической атаки на Нью-Йорк и Вашингтон помогли акцентировать факт перехода современной мировой системы в систему постсовременную, где средства массового уничтожения оказались демократизированы. Ранее это осознавалось эмпирически, но концептуализировано не было. Публичное появление глобализированного мегатерроризма узаконило возможность войны, ведущейся неконвенциональными методами. За полвека до 11 сентября 2001 г. Сантаяна прогнозировал терроризм как экзистенциальный страх, страх животной веры, страх перед самим существованием. Сам он как личность мог бы избежать этого страха, если бы до конца оставался испанцем, сторонником культуры любви и чувственности (любовь не знает страха, боящийся несовершенен в любви). Но сорок лет, проведенные в США, сделали свое дело. Экзистенциально принадлежа Испании, рационально Сантаяна постоянно находился в состоянии интеллектуального психоза, интеллектуального террора. Он, как и сегодня С. Кара-Мурза, прекрасно осознавал, что победить терроризм можно, только восстановив то жизнеустройство, которое лишает терроризм социальной и культурной базы. Жизнеустройство, основывающееся на сущностно-экзистенциальных основаниях, а не конкурентоспособности и целесообразности [5, с. 167–177]. Сантаяна репрезентировал эстетико-психологическую, инструменталистскую природу воздействия власти, где жертвы – инструменты, а убийство – метод.

В цикле статей [6], посвященных анализу специфики американской культуры, он писал о том, что энтузиасты демократии, мира и Лиги Наций должны не обманывать

себя; они – не общие друзья; они – враги самые глубокие и наиболее примитивно сидящие в каждом. Они вдохновляют бессмертную ненависть в неукротимых людях, в каждом, кто настаивает на наличии его собственного пути

Как объяснял сам Сантаяна: чтобы быть счастливым, Вы не должны даже и задумываться о сути счастья, Вы должны быть просто разумны или, по сути, Вы должны быть просто приручены. Вы, должно быть, приняли меру ваших полномочий, испытали плоды ваших страстей. Американцы – «абсолютная душа» и «неукротимые люди», «беззаботные, со счастьем, их собственным и безразличным по отношению к другим» [6, с. 115].

Онтологизация пошлости. Одними из основных в иерархии, так называемых, общечеловеческих ценностей сегодня стоят «политкорректность», конформизм или космополитизм, гражданственность, неприкосновенность личности, высокий уровень благосостояния, социальная защищенность или, в целом, – комфорт. Тотальное стремление к комфортабельности, «имению», «наличию», «соответствию» привели к тому, что, с одной стороны, вроде бы юридически, эстетически и этически нет никакого насилия, но, с другой, – экзистенциально, объективно-эмпирически нет и никакого волевого усилия. Онтологически-метафизической сердцевиной такой аксиологической системы является инфантильный комплекс бездействия, отупления, омассовления. Не только самый простой обыватель, но даже и современный интеллектual-интеллигент сегодня принципиально агрессивен и тяготеет всем тем, что хоть сколько-нибудь напоминает ему о долге, ответственности, личном участии, творческом отношении, собственной принципиальной позиции, чести, достоинстве – то есть, требует душевных затрат и напряжения.

Феномен маргиналов на авансцене культурной общественной жизни (националистов, фашистов, антифашистов, разновидностей различных форм клинической эстетизации интеллекта) не есть лишь эпатаж или дань моде. Сегодня простой обыватель (молодежная субкультура в целом), непосредственно нуждаются в идеалах патриотизма, культе личного трудового подвига, культе героизации как таковой, самоутверждении и зачастую, просто в романтике. Повседневность же, структуры образования, формы общественного сознания насильственно внедряют унифицированные стандарты, систему идеологии пошлости. Заметим, что понятие последней формально-логически большей частью вообще не проясняется. Что сегодня объективно, эмпирически является пошлым? Где дефиниция пошлости? Где границы и рамки, пространство ее функционирования? На выходе социум получает сознательную идеологизацию, онтологизацию пошлого.

Вся человеческая жизнь в самом деле ничтожна, какой бы великой она ни была. В свое время А.П. Чехова именовали «певцом обыденного», «мещанского». Если Антон Павлович пошел, то где стандарты высокого? А Г.Х. Андерсен?.. Культура «постмодерна» есть здравая реальность тотального господства искусственных роз и «клонированных» соловьев, золотых голосов России, Белоруссии и т.д. Чудесный горшочек «датского» сказочника оказался современным интернетом, камерами слежения, условием формальной юридической защищенности.

Дискурс Сантаяны полностью вписывается в дискурс вышеизложенного. Он подчеркнул соблазн «абсолютной свободы», свободы делать все, что Вы думаете прямо без компромисса. Абсолютная свобода пробуждает страсть и подстрекает поэзию. И все же Сантаяна отказывал эстетическому превосходству «абсолютной свободы», чтобы не пасть жертвой ослепления воздействия ее разрушительных последствий. Отнимите у этой демократической свободы ее романтическое очарование, и «абсолютная свобода» скорее станет «изделием» слабости, чем силы.

Как отмечается Робертом Шпеманом [7], ведущим философом римской католической церкви, профессором философии университетов Мюнхена и Зальцбурга, одной из ценностей, поддерживаемой нынешним политэлитам, считается толерантность. Правильная толерантность «вросла» в законоположение и считается позицией, где истинные нравственные принципы индивида вынуждены рассогласовываться с общественной моралью и идеологической пропагандой. Но, если терпимость основывается только лишь на аксиологических принципах, в таком случае признание иных взглядов преобразуется в невольное условие не обладать никакими принципами, особенно теми, с которыми несогласно большинство. Кристаллизация своей позиции приравнивается к нетерпимости, экстремизму и сепаратизму.

Выводы. Следует отметить, что правосознание, которым руководствуется современный истеблишмент, никак не обладают беспристрастной текстурой и режимом главенства, как это постулировалось в нравственных императивах Конфуция или Канта, а сопряжено с цивилизационной целесообразностью и позитивистскими оценками.

Поэтому, как оказалось, жизнедеятельность хранит собственные людские значения только лишь до тех времен, пока мы улавливаем её в качестве своеобразной авторской действительности. А гражданин, согласно психическому потенциалу, обязан отделять в собственном действии жесткую обусловленность «стадными инстинктами» от нравственного вектора и аксиологического целеполагания. В контексте методологии, как подмечалось российским политологом А.С. Панариным, философом С.С. Хоружим, преимущество аксиологии общечеловеческого следует расценивать как возможность никак не отвечать на практические жалобы, равно как возможность являться самим собой, не соответствуя изначально заявленным конформистским, идеологизированным претензиям и ожиданиям.

Изменчивость антропологической сущности в XXI в. сопряжена не только лишь с изменчивостью реалий, факторов, однако и с переменной внутреннего света индивидуума, экстраполяцией его синергийной автономии. Ароморфоз в эволюции живого мира должен восприниматься как космогония живого духа. Индивид в нынешнем мире обязан существовать согласно законам единства, реализуя себя в качестве самополагающейся и самодетерминирующей сути. Однако данное самополагание подразумевает в первую очередь подобно «энтелехии»: общечеловеческое никак не возможно и никак не следует даровать принудительно, оно повинно существовать как пережитое и выстраданное в контексте всемирного достояния.

Человечество осознало, что «порядок», дисциплина, геополитическая узость имеют определенные границы; границы, о которые разбивается естественная человеческая природа. Проблема «национальной самоидентификации» дает о себе знать как проблема «внепорядковости», бифуркационности; когда радикально «чужое» опережает все конституционные нормы и трагически «настигает» нас иногда еще прежде, чем мы успеваем оглянуться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland. 1831 – 1933. / H. Schnädelbach. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. – 441 s.
2. Santayana G. The Life of Reason / Santayana G. – London: Constable and Corp. S. United, 1954. – 493 p.
3. Santayana G. Dominations and Powers: Reflections on Liberty, Society and Government / G. Santayana. – NY: Charles Scribner's Sons, 1951. – 481p.
4. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / Р. Сафрански / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой при участии В.А. Брун-Цехового; Вступ. статья В.В. Бибикина. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 614 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 831 с.

6. The Birth of Reason and Other Essays by George Santayana. – New York: Columbia University Press, 1995. – 186 p.
7. Spaemann R. The Dictatorship of values [Электронный ресурс] / R. Spaemann – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Spaemann, <http://www.iwm.at/transit/transit-online/the-dictatorship-of-values/> (Дата обращения – 15.06.2018).

Поступила в редакцию 20.07.2018 г.

ON «TOLERANCE» IN THE PROJECTIONS OF MODERN LEGAL KNOWLEDGE

M.J. Matsevich, V.V. Valeitionok

The article is devoted to the problem of the evolution of ideas about «tolerance», its place and role in the transforming modern society. Since the concept of error is connoted with epistemology and that of tolerance with political philosophy, the notion of tolerable error in a jurisprudential context inhabits a territory in which two disciplines intersect, and also, to ask under what circumstances judicial errors may be tolerated and on what grounds tolerating certain errors may be justifiable. The concept of tolerance in modern times is labyrinthine and not easily encapsulated, despite being supposedly necessary to a multi-cultural existence; the same is true when discussing tolerance in everyday contexts.

Keywords: axiology, values, reason, dominations, power, political correctness, state idea.

Мацевич Мария Янушевна.

Кандидат философских наук, доцент.
Академия управления при Президенте
Республики Беларусь, РБ, г. Минск.
Доцент кафедры государственного управления
социальной сферой и белорусоведения.
e-mail: lentsevich@mail.ru

Matsevich Maryia Yanushevna.

Candidate of Sciences in Philosophy, Docent.
Academy of Public Administration under
the aegis of the President of the Republic
of Belarus, Minsk.
Associate Professor of the Department of Public
Administration of Social Sphere and Belarus Studies.
e-mail: lentsevich@mail.ru

Валейтёнок Валерий Владимирович.

Кандидат философских наук, доцент.
Белорусский национальный технический
университет, РБ, г. Минск.
Доцент кафедры политологии,
социологии и социального управления.
e-mail: vvv0045@mail.ru

Valeitionck Valery Vladimirovich.

Candidate of Sciences in Philosophy, Docent.
Belarusian National Technical University, RB, Minsk.
Associate Professor of the Department of Political
Science, Sociology and Social Management.
e-mail: vvv0045@mail.ru